

Ant. J. J. J.

министерство культуры ссср
государственный музей
искусства
народов востока

приглашают вас
на открытие
выставки произведений
художника
Н. К. РЕРИХА

●

ОТКРЫТИЕ СОСТОИТСЯ

. 9 . октября 1964 г. в . . 15 . . часов

в Государственном музее

искусства народов Востока

(ул. Обуха, 16).

Л 108563 25.IX-64 г. Зак. 1307. Тир. 500.
Московская тип. № 5 Главполиграфпрома.
Мало-Московская, 21.

Ant. P. Jones

4

министерство культуры ссср
государственный музей
искусства
народов востока

приглашают вас
на открытие
выставки произведений
художника
Н. К. РЕРИХА

●

ОТКРЫТИЕ СОСТОИТСЯ

9 октября 1964 г. в 15 часов

в Государственном музее

искусства народов Востока

(ул. Обуха, 16).

Л 108563 25.IX-64 г. Зак. 1307. Тир. 500.
Л.осковская тип. № 5 Главполиграфпрома.
Мало-Московская, 21.

«Советская
Жульбура»
№ 121.
10 октября
1964 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА · 10. OCT. 64

В МУЗЕЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

ВЧЕРА в Государственном музее народов Востока открылась выставка живописных работ Н. К. Рериха, посвященная девяностолетию со дня рождения художника. На выставке представлено более 120 произведений из собрания

Государственной Третьяковской галереи, Русского музея, Музея имени Бахрушина и частных коллекций. Экспозиция охватывает различные периоды жизни художника, позволяя проследить его творческий путь.

— просто не умеет!

его прихода — искать новое. Как же обстоит дело с новыми, недавно созданными танцами? Что-то их не видно в программе. За разъяснениями я обратился к массовику Нонне Дмитриевне Домбровской.

— Мы пытались разучивать новые танцы, те, которые пропаганди-

и пели очень хорошо, особенно инженер Анатолий Кошевой — певец, обладающий приятным баритоном.

Все это придавало обыкновенному танцевальному вечеру не совсем обычный характер. Но и здесь исполнительское, если так можно сказать, мастерство танцоров было

ХУДОЖНИК НЕОБЫКНОВЕННОЙ ФАНТАЗИИ

Выставка картин Николая Рериха

Сгорбленная старуха среди многоцветья предзакатного луга. Кажется, что эта уродливая и трудная ведунья заставляет травы светиться изнутри...

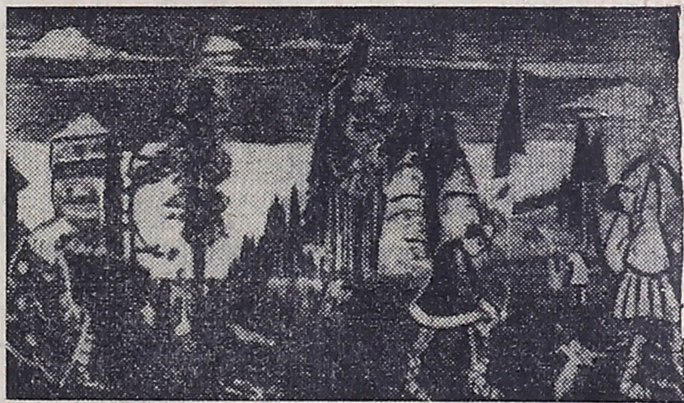
В ночном небе — огромное пылающее облако. Оно заполняет всю картину, создает ощущение бедствия, пожара. В углу — всадник нацеливает лук туда, куда несутся облако. Нет ни жестокой сечи, ни крови, ни огня. Только облако и крошечный силуэт всадника. А какой образ — беспощадного, кровавого завоевателя!..

Это картины Николая Константиновича Рериха.

Он был художником и ар-

хеологом. Вероятно, каждая археологическая находка вызывала в его воображении вереницу образов — то таинственных и призрачных, как в «Заключении земном», то броских, ярких, как в «Битве при Керженце», то каких-то похозяйски подробных и в то же время лиричных, как в картинах «Город строят», «Поморяне».

Мир «преданий старины глубокой», увиденный так, как видел и изображал его народ-сказочник: красочно и непосредственно. В этом помогла археология, древнерусское искусство. Отсюда в полотнах Рериха то веселая дубочная живопись, то при-

Утро. Поморяне. 1906 г.

глушенные тона росписи старых церквей.

Рерих всю жизнь путешествовал. В 1903—1904 годах он прошел по историческому пути «из варяг в греки», посетил прославленные древнерусские места: Новгород, Печору, Псков, Изборск, Владимир, Ярославль. И вот этюды со старинными соборами и башнями. Картины, на которых русская история переплетена с народными сказаниями.

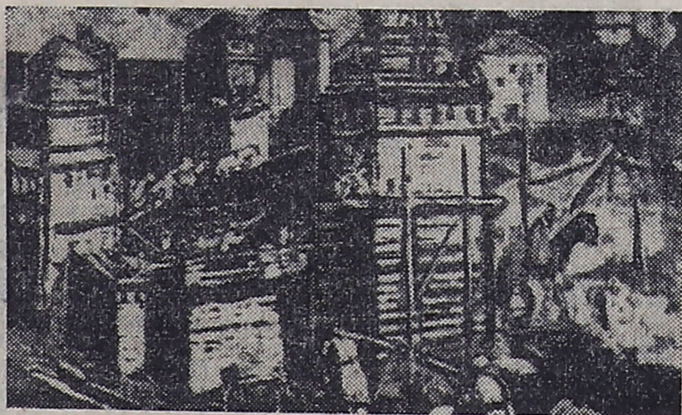
После Великой Октябрьской революции Рерих оказался отрезанным от родины, так как жил тогда в Финляндии. С тех пор он путешествует по горам Центральной Азии, долгое время находится в Монголии, Индии. Но никогда не принимал художник иностранного подданства. Умер Н. К. Рерих в 1947 году в Индии, где прожил последние двадцать пять лет.

Фантастические, бесконечные и разнообразные вариации

цвета и света в сериях пейзажей Гималаев, Тибета переданы теплой. Горы прекрасные, загадочные, в каждой картине — дух древних легенд, «Ждущая», «Тибетский стан», «Мать Чингиз-хана», «Помни!» — не просто пейзажи, но поэзия кочевой страны, ее гордого и смелого народа.

Кроме исторических картин и пейзажей, Рерих оставил чудесные декорации. Художнику близки героические «Князь Игорь», поэтичная «Снегурочка». Краски в его декорациях как бы звучат вместе с музыкой.

Очарованный художник, художник-романтик, художник яркий и необыкновенной фантазии, Рерих искал в дремучих лесах с «колдовскими» озерами, среди скал и степей истоки характера народа, его культуры. Очарованность и азарт исследователя он пронес через все свое творчество.

Город строят. 1902 г.

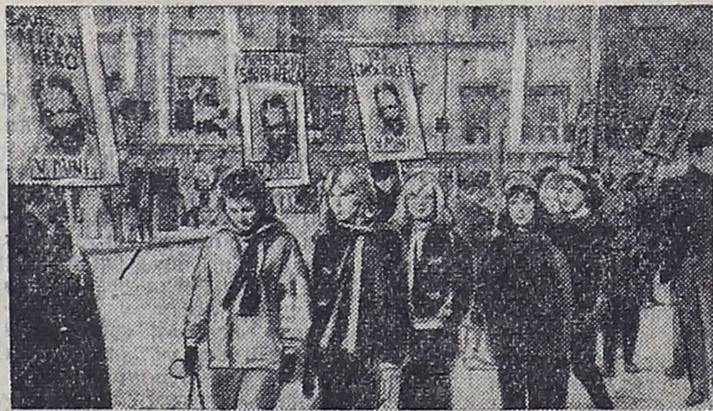

Зверская расправа фервурдской охранки над лидерами южноафриканских профсоюзов и членами Африканского национального конгресса В. Минни, В. Кайинага и З. Каба вызвало мощную волну возмущения во всем мире.

Гневным маршем прошли по Трафальгар-скуэру мимо здания представительства Южно-Африканской Республики студенты университета английской столицы. «Позор палачам!» — начертано на плакатах молодых лондонцев. Представители демонстрантов вручили также чиновникам миссии ЮАР в Лондоне петицию протеста бесчеловечным акциям фашистского режима на юге Африки.

Снимок из газеты «Дейли уоркер».

БРИГАДА АКТИВНОЙ ПОМОЩИ

ГДР и ее молодежь оказывают молодым африканским государствам конкретную помощь в поднятии их экономики.

«Бригада дружбы» — около 40 молодых специалистов и квалифицированных рабочих — вылетела недавно в Алжир. В бригаде каменщики, слесари, инженеры-строители, врачи, медсестры. Союз свободной немецкой молодежи послал в Алжир своих лучших представителей. Там, в Кабилии, они вместе с посланцами Советского Союза, Болгарии, Франции и многих других стран примут участие в строительстве деревни, создадут технический центр, школу и другие сооружения.

ЗА ДВА ГОДА — 2742 ПРОВОКАЦИИ

БЕРЛИН, 10 ноября. (ТАСС). 2.742 провокации были организованы со стороны Западного Берлина за последние два года на государственной границе ГДР. Эти данные привел член Политбюро ЦК СЕПГ Альберт Норден, выступая на партийной конференции в Берлине. 268 раз провокаторы открывали огонь по территории ГДР, 953 раза забрасывали на территорию ГДР бомбы и взрывчатку.

А. Норден подчеркнул, что все эти факты свидетельствуют о настоятельной необходимости покончить, наконец, с преступной деятельностью сил, выступающих в Западном Берлине и в Западной Германии против взаимопонимания.

ГОТОВИТСЯ СПЕК

МЕХИКО, 10 ноября. (ТАСС). «Литика» опубликовал статью, где агрессия против Кубы. Со стороны центральноамериканских стран в подготовке инсценировки нападения на одну из центральных правительств поддерживают против Кубы.

Кубинские контрреволюционеры Центрального разведывательного управления пользуются для своей подготовки братьям Сомоса и другим.

В Коста-Рике, на острове Сан-Хуан, имеется лагерь, где человек. Как писал коста-риканец, обосновавшийся там кубинцы используют порт Тортугера для ввоза оружия и военного снаряжения, готовящихся совершить давно кубинские контрреволюционеры «Мустанг» американского правительства агрессия.

КАКОВ БУД

НЬЮ-ЙОРК, 10 ноября.

КАРТИНЫ РАССКАЗЫВАЮТ

ВЫСТАВКА РАБОТ

Н. РЕРИХА

ИСПОЛНЯЕТСЯ 90 лет со дня рождения Н. К. Рериха. Сегодня в Музее искусства народов Востока закончен монтаж выставки, где собрано свыше 150 его произведений. Они рассказывают о жизни художника, ученого, писателя, путешественника. Экспозиция занимает два зала. Картины собраны из московских и ленинградских музеев, а также из частных собраний.

В первом зале — ранние работы Рериха, полотна, посвященные истории древней Руси. Здесь же представлены эскизы театральных декораций. Второй большой зал отведен Востоку: тут картины, написанные художником в Монголии, Индии и других странах. Некоторые из работ экспонируются впервые. Среди них пейзажи «Гималайского цикла», а также отдельные этюды.

Музей "Вечерняя Москва" 8 октября, 1964г.
№238/12440/

900 человек. Организовано

24 семинара. Кроме того, открывається кинолекторий.

Первое занятие семинаров началось с общей для всех слушателей лекции «Характер нашей эпохи и генеральная линия мирового коммунистического движения. Борьба за мир и развитие мирового революционного процесса».

УНИВЕРСИТЕТЫ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

В КРАСНОПРЕСНЕНСКОМ районе открывається народный университет научного атеизма. Он будет готовить агитаторов, лекторов, организаторов научно-атеистической пропаганды. А вот еще одна хорошая новость. Работники просвещения на прошлогодних отчетно-выборных собраниях высказывали мнение, что на Красной Пресне недостаточно заботятся о повышении политического и профессионального уровня учителей. Их мнение учтено. Создан народный университет повышения науч-

7
ЛИСЬ * ГРАФИКА

ПОЛОТНА, НЕСУЩИЕ РАДОСТЬ

В МОСКОВСКОМ Государственном музее искусства народов Востока многолюдно: здесь открыта выставка русского художника Николая Рериха.

Переступив порог зала, попадаешь в неповторимый мир Рериха — мир древней Руси и глубинной Центральной Азии: Гоби, Тибет, утопающие в синеве Гималаи. Здесь не только краски Азии, перед зрителем раскрывается душа, образ этой древней земли.

Горы были для Рериха тем, чем море для Айвазовского. Он более тысячи картин посвятил Гималаям. Гималайский цикл Рерих завещал Советскому Союзу. Эти работы привез к нам в 1958 году сын художника Ю. Н. Рерих.

Полжизни Н. Рерих — русский художник — прожил в Индии. Его деятельность в области культурного сближения Советского Союза и Индии высоко ценили Джавахарлал Неру, Рабиндранат Тагор.

Картины, экспонирующиеся сегодня в музее, бесценные сокровища нашей национальной культуры.

Ф. СВЕШНИКОВ.

Газета "Труд"

1964, 18 декабря

Sent by
Valentina
Prolova

С ЮЖНОВЬЕТНАМ-
★ БОННСКИЕ ГЕНЕ-
АЮТ МЕЖДУНАРОД-
ИЙСКОГО ПРЕМЬЕРА

ШИСТОВ

против планов создания на территории ФРГ близ границ с социалистическими государствами «пояса ядерных мин».

«Нейе Рейн-цейтунг» отмечает, что эти планы вызывают смутные и беспокойство не только жителей пограничных районов ФРГ, но и широких кругов всего населения Западной Германии и за границей.

Газета считает, что создание «пояса ядерных мин» явилось бы непосредственной угрозой для миллионов немцев. Как подчеркивает «Нейе Рейн-цейтунг», осуществление этого плана боннских военных руководителей не только сделало бы территорию ФРГ «еще более уязвимой» в военном отношении, но и в значительной степени обострило бы международную обстановку в Европе.

ЛАН АНГЛИИ

тревогу по поводу согласия Англии на включение в атлантические стороны силы себе...

9

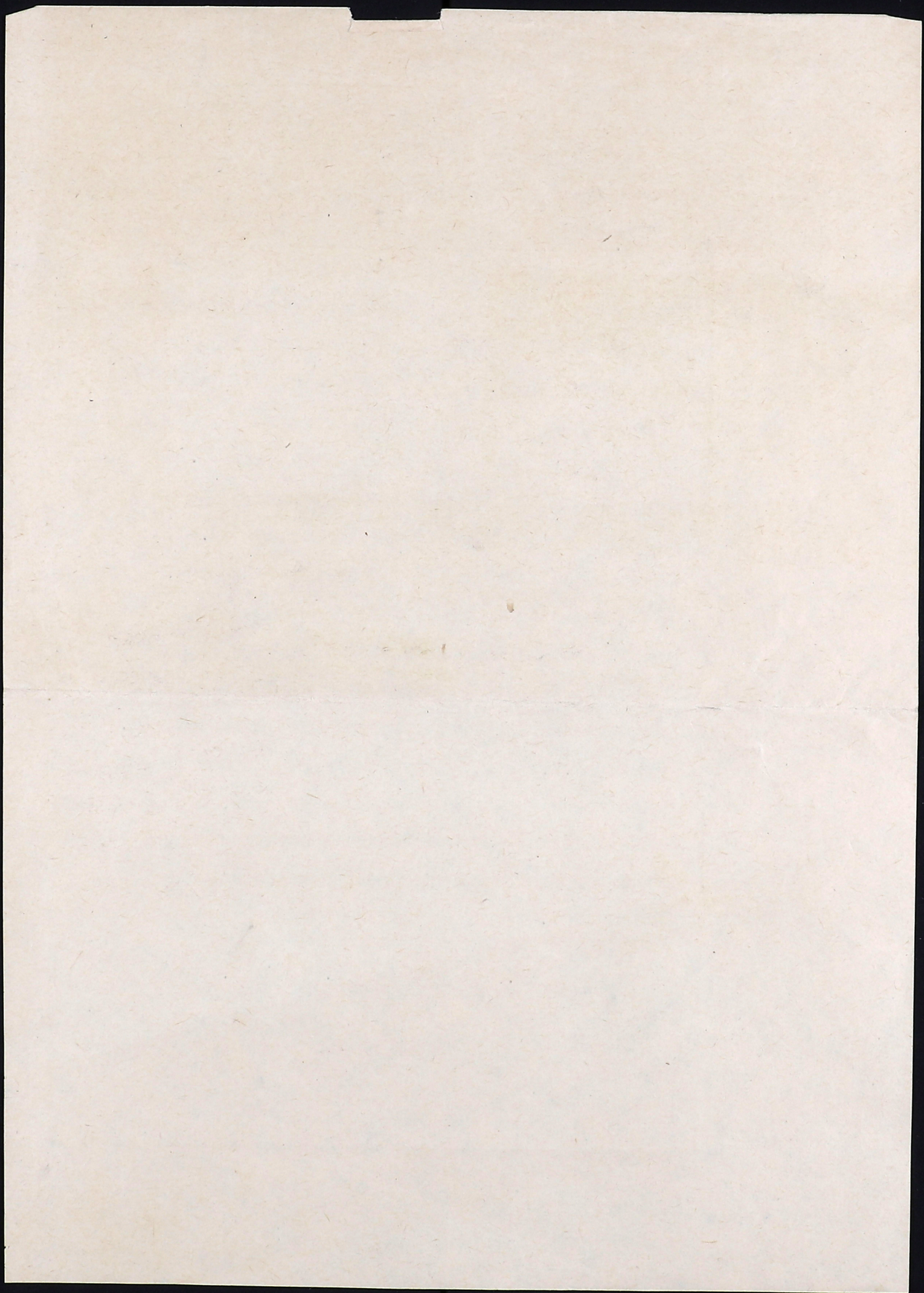
"Московская Правда" от 10-го октября 1964 года
КАРТИНА ЭКСПОНИРУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ.

Вчера исполнилось 90 лет со дня рождения художника Николая Константиновича Рериха. В Музее искусств народов Востока открылась выставка работ художника. На выставке собрано около 150 его произведений, рассказывающих о жизни художника, путешественника, ученого, писателя. Картины собраны из московских и ленинградских музеев, а также из частных собраний. Здесь и ранние работы, посвященные истории древней Руси, этюды и более поздние, рассказывающие о Монголии, Индии. Некоторые картины экспонируются впервые. Вот одна из них: Большие, со снеговыми шапками синие ели, крохотная деревянная хижина, вдали река и снег, слегка отливающий зеленым. Рассвет ослепительно пробирается сквозь голубой воздух зимней ночи. А в центре - человек в огромном монашеском одеянии обрубает ветви у сваленного дерева. Картина называется: "Труды Сергия Радонежского". Сергий Радонежский известен нам, как основатель Троице-Сергиевской лавры, замечательного архитектурного памятника старины.

В 1957 году Ю.Н.Рерих, сын художника, вернулся из Индии, привез с собой много картин и этюдов своего отца, которые по завещанию Николая Константиновича Рериха должны были вернуться на родину. Вместе с другими вернулась на родину и картина "Труды Сергия Радонежского".

Н.Семинина.

1
SOVETSKAYA KULTURA

10

29^е Oct. 64

"Советская Культура"

29 октября 1964 г.

А чем порадует москвичей Государственный музей народов Востока? Сейчас здесь экспонируются произведения Николая Константиновича Рериха. Их популярность несколько спутала выставочный график музея. Можем обрадовать любителей творчества этого художника: его выставка продлится до середины ноября. Затем в этих залах будут показаны изделия прикладного искусства мастеров республик Средней Азии, работы армянских графиков, прикладное искусство Афганистана. Готовится первая в истории музея экспозиция, посвященная Африке.

[The page contains extremely faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is too light to transcribe accurately.]

Корреспондент еженедельника «Литературная Россия» Александра Пищунова обратилась к лауреату Ленинской премии писателю Леониду Максимовичу Леонову с рядом вопросов, касающихся проблем искусства, условий его развития, связи его с литературой. Запись этой беседы публикуется ниже.

«Очистительный сквозняк» — так красочно назвал Октябрь Леонов в повести «Соть». В этой фразе — credo гармонического и сложного мировоззрения, credo, которое утверждает Леонид Леонов.

Пожалуй, нет ни одного главного вопроса нашей жизни, которого бы не коснулся в своем творчестве этот писатель.

Он вошел в литературу, оберегаемый мастерами русской культуры. С ним дружили Горький и Станиславский. Замечательные художники Кардовский, Остроухов, Фалилеев были в числе первых его наставников. Да и сам Леонид Максимович, прежде чем стал писателем, стремился к деятельности художника, занимался живописью, резьбой по дереву, лепкой и был даже абитуриентом ВХУТЕМАСа. Эту свою любовь Леонов пронес через всю жизнь. Вот почему именно с ним так интересно беседовать об искусстве.

— Поэтическая правда о современности является душой искусств, будь это литература или живопись, — говорит Леонид Максимович. — Писатель и художник одинаково приходят в мир для того, чтобы открыть современникам никем не увиденные ранее стороны их жизни, чтобы сказать о новом человеке, рожденном современностью.

Литература и искусство — отрасли, которые идут рядом. У них разная вещественность, ведь литература требует формулировок. Но они сообща прощупывают мир. Живопись сродни литературе, в обеих надо строить. Я беру вакуум и воздвигаю в нем стены, улицы, города, облака. Я поселяю там людей. Возвращаясь в мир и от холста, и от бумаги, мы возвращаемся обогащенными.

Пикеринг в «Evgenia Ivanovna» говорит: «Произведение — зерно, которое можно бросить в душу, оно прорастет событиями». Разумеется, очень существенна почва. Горький всегда выделял необходимость отчетливого представления об основном в творчестве: никогда нельзя забывать, что искусство выходит из народа и возвращается к народу.

«Кругооборот идей и чувств — кругооборот, в котором непрерывный процесс обогащения естествен, как явление природы. Так всегда, Леонов мыслит категориями, которые для среднеарифметического искусства (а оно существует — нельзя этого не замечать!) являются космическими. Интеллектуальный уровень его произведений всегда высок. Леонов решает моральные проблемы времени. Вот откуда долговечность его книг. Но вернемся к вопросам искусства».

Леонид Максимович вспоминает одну из своих итальянских бесед — разговор с мэром Флоренции:

— Я сказал ему тогда: «Если бы надо было написать портрет господ бога — я написал бы его с Микеланджело». Гигант с лицом мастерового, с яростью мыслителя и руками каменотеса, у которого от тяжкого труда ногти стертые на пальцах. Мастеровой, который смотрит в небо и конструкцией звезд проверяет свои расчеты.

В древней латыни есть слово, означающее одновременно и пророка, и поэта. Мы не можем считать себя пророками, но мастерами обязаны быть.

Откуда такое величие в изображениях мастеров Возрождения? Ответ на эту загадку подсказывает книга Альбрехта Дюрера «О пропорциях человеческого тела», где художник проверяет гармонию алгеброй.

Мои любимые художники — Андрей Рублев и Питер Брейгель. Полезно ориентироваться по звездам, смотреть в небо. Искусству опасна заземленность.

«Итак, мастеровой, ориентирующийся по звездам. Вот идеал художника! Сколько света в этом определении, как оно точно, сколько советского вложено в словосочетание «мастеровой» и «звезды»! И какова вера в могущество талантливых человеческих рук! Леонов, писатель, которого Юрий Либединский прекрасно назвал

О П А С Н А

однажды «хранителем русской речи», формулирует емко и просто.

Изобразительность «видимость» его языка всегда удивляла художников. Однажды один из старейшин советского искусства академик живописи цитировал при мне «Автобиографию» Леонова, ту часть ее, где речь идет о детских воспоминаниях. Вот они: «Первое из них пасмурное на исходе дня небо в огромном, значительно выше детского роста, кухонном окне, и вдруг легкий и властный удар в раму, сопровождаемый дребезжанием стекла. Это в Кремле Калыев кинул бомбу под экипаж великого князя Сергея». Тревога и ветер — даже в этой первой памяти детства...

— Искусство — отражение мышления художника, — продолжает нашу беседу Леонид Максимович. — Поэтому мне противно в искусстве плоское воспроизведение.

Есть два вида художников — оба

ЗА ЗЕМЛЕННОСТЬ

нельзя ни преуменьшать, ни преувеличивать. Одни регулярно выдают полезную стране творческую продукцию. Произведения других подчас больше ценят потомки: это куски личной духовной биографии творца, в ней отражены генеральные процессы, происходящие в стране или даже в человечестве.

Большой художник — как точная зеркальная поверхность, ее надо беречь от случайной шлифовки.

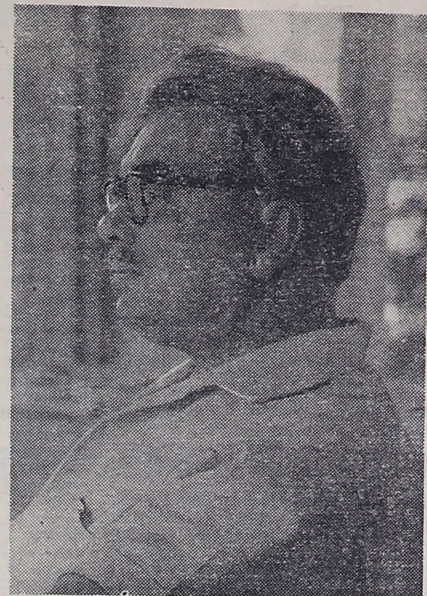
Велик вред банальных понятий об искусстве. Иной раз о произведении искусства говорят серо и плоско, и это отвращает от него тех, кому оно адресовано. Кто-нибудь из подобных «теоретиков» в состоянии сказать о Бетховене, что он «штурмует вершины феодализма».

Есть вещи, к которым нельзя прикасаться объяснением. Буквализм ужасен. Можно рассуждать о пирамидах Египта с точки зрения технических-математической. Но кто тогда почувствует гордыню фараонов?

Есть главные координаты произведения искусства — его окрестности. Художник определяется размером своих окрестностей. Автор должен прежде всего сказать, что он думал о главном своем деле — о своем времени. Это оно определяет климат, в котором выросло произведение искусства.

Все, что происходит в эпохе, интересует меня вплотную, и потому я не верю в разговоры о башнях из слоновой кости. Я не верю людям, которые о них говорят. Особенно прокурорам. И все-таки, если есть в нашей действительности такое экстраординарное явление, его надо рассмотреть. Это необходимо для здоровья нации, для здоровья искусства. Здесь как в медицине: большой может умереть и вовсе без помощи врача, но неверным диагнозом можно вдвое ускорить этот процесс.

Можно лишь позавидовать тем мыслителям, которым все ясно в вопросах искусства. Однако при

Леонид ЛЕОНОВ. 1964 г. Фото Ал. ЛЕССА

ближайшем рассмотрении не так легко решить, что важнее в произведении искусства — изображаемый предмет или личность автора...

«Горшки обжигают не боги», — сказано в известной поговорке. Но мне кажется, она напрасно так уж популярна, напрасно так проникла в нашу производственную практику, в том числе в искусство. Качество товарной продукции последних лет невольно наводит на мысль, что горшки-то как раз обжигают боги, если под этим именем разуметь высокого и требовательного мастера.

Леонид Максимович снимает прикрепленную к стеклу книжного шкафа двухцветную репродукцию бесконечная и пустая анфилада комнат помещицкого дома, тусклый северный свет, в аванале орди-

бит Николая Рериха: за его могучую таинственную Россию, за его человечность и историзм, за те философские пространства, в которые принимает своего зрителя этот художник.

— Каждое произведение должно быть изобретением по форме и открытием по содержанию, — говорит Леонов. — И потому как хорошо, как прекрасно для художников, ученых, мыслителей, что планета наша и окружающий ее мир полны неоткрытых тайн, белых пятен и еще не занесенных на карты чудесных стран.

«Квадратный сантиметр площади прежнего искусства не выдерживает давления величайших событий нашего века», — говорил Леонов в одной из бесед последних лет. — В замешательстве перед этим обстоятельством некоторые художники прибегают к абстракционизму — они

нарно стоящие у стен павловские холодные кресла. В одном из них — фигура старого человека, горестно согнувшегося, задумавшего и гишина. И кажется: где-то в дальней комнате гулко и беспрестанно бьют часы, и звук их трагически безысходен. Я не знаю художника, написавшего картину, но ощущаю его эпоху: возможно, рядом с Федотовым. «Это Федор Славянский», — говорит Леонов. — Мастер. А Третьяковская галерея держит его в запаснике». Мне приятно почему Леонову нравился этот художник: мысль, глубокое психологическое исследование стоят за его картиной. Глубина полотна, перспектива открывают противоположное себе — не широту, не простор, а узость, ущербность чье-то маленького мира.

— Не могу принять полностью Гогена и Ван-Гога, — говорит Леонид Максимович. — Очень люблю Левитана, Валентина Серова, Сомова, Рериха.

«Я слушаю писателя, и мне вспоминается одна из темпер Рериха в экспозиции выставки, открытой сейчас к его девятидесятилетию в Музее восточных культур «Гэсар Хан». На тепло-лилово-коричневой земле, под багровыми облаками всадник на черном коне натягивает тетиву своего лука. У него чет цели — все вокруг спокойно и пусто. Но сколько напряжения, сколько ненависти в силуете наездника! Он целится в мир, в небо, в красоту».

Грандиозная мысль — обличение фанатической жажды убийства — воплощена замечательным художником так совершенно, так свободно, так гневно. Рерих видит мир космически. Его земля — прежде всего планета, воплощенная частица бесконечного, и она прежде всего величественна. «А помните его «Гонца»? — спрашивает Леонид Максимович. Да, помню «Гонца», да, понимаю, за что писатель лю-

пытается идти в обход задачи, вместо образа вывести логарифм... Настоящее искусство, создающее образ, — попадание в мишень, абстрактное искусство, отказывающееся от образа, бьет мимо мишени».

Сегодня Леонид Максимович снова возвращается к этой — такой острой — проблеме искусства:

— Хулиганства абстракционистов — это несерьезно. Когда-то Давид Бурлюк телеграфировал своему брату в Гилею: «Приезжай, можно прославиться». Мы сами создаем рекламу абстракционистам дурного толка и вкуса своим протодушным мешанским гневом. Но как часто истинный художник начинался с творческого бунта, с безрассудных протуберанцев, с извержения незавершенных ценностей.

И снова вспоминается сказанное Леоновым несколько лет назад: «Новое искусство, если оно родится, будет, вероятно, состоять из знакомых нам форм. В художественной галерее XXI—XXII веков посетитель не попадет в другой климат, но он увидит, что новый художник — человек с более тонкой нервной организацией».

— Повторяю, — говорит в заключение нашей беседы Леонид Максимович, — и в литературе, и в живописи сказание о великом народе, о его творческом гении, строящем коммунистическое общество, составляет душу советского искусства.

ВОТ уже пять дней они живут в болоте. Без костра. Без палаток. Они не разговаривают друг с другом, и потому, что перессорились, как это случается, когда люди по чьей-то вине падают в безвыходное положение, нет, адчат потому, что так легче переносить насилие. Даже Нина, девятнадцатилетняя вончка, лаборант-коллектор, и та молчит.

Опухшие от комарья и гнуса, измененные до неузнаваемости, с заплывшими глазами, изодранными в кровь лицами, и были страшны и поэтому старались смотреть друг на друга, понимая, что каждый из них сам не краше. От густых янхих запахов багульника и болиголова е испытывали какое-то странное состояние нереальности происходящего. Модное, необозримое болото с редкими тоненькими черточками хилых лиственниц простиралось во все стороны. И звука, ни зверя, ни птицы.

Чем дальше они шли, тем забучее становилось болото. Они пробрались по нему, как альпинисты, связанные друг с другом веревкой. Связать их догадались после того, как погиб Коля Березкин — молодой техник, схваченный осыной.

С кошки на кочку, а то и по колону, а и по пояс в ржавой жиже, они брели на северо-запад, к большой светлой эке, брели по компасу, с которым и на минуту не расставался начальник гидрометрического отряда Александр Парахин. Метров за двадцать, за сорок, иногда и за триста, если в створе их пути попадалось дерево, намечал он ориентир и непреклонно слепо пробирался к нему, напрямик, без всяких обходов, и только уж в тех случаях, если на этой прямой линии попадало провальное окно, творачивал в сторону, чтобы вскоре снова выйти на дрожжащую стрелку магнитного компаса.

Он понимал всю ответственность, которая на нем лежит. Понимал, что будут жесткие объяснения с начальником экспедиции из-за гибели техника Березкина, понимал, что немало будет у него переорья из-за потерянных лошадей, оставленных в трясине этого болота. Но все это он понимал — будет нескоро, будет через бесконечно длинное время, если он и останется жить.

В короткие прояснения, когда голова всеобождалась от однообразного, неотупного напряжения, он начинал припоинать, как все это случилось. И в сознании возникало сухое раннее утро сентября, когда они — восемь человек с пятью

тыю выюнными лошадьми — вышли из железнодорожного поселка и направились на северо-запад, к большой светлой реке Унге.

Путь был ясен, его сам Парахин нанес на карту аэрофотоъемки. Он провел прямую от поселка до места изысканий будущего железнодорожного моста через Унгу. Даже время рассчитал. День уйдет на перевал. За ним будет долина. В ней предполагается болото, но его можно обойти. Дальше лес, и за ним река. Весь путь займет не более трех дней.

И хорошо все шло сначала. Перевал они взяли легко. Редколесный, пологий, он обнадеживал, что и дальше путь будет таким же простым и неутомительным. Меньше чем за сутки они миновали его и наутро, хорошо выпавшиеся, плотно поевшие, вошли в долину. И здесь путь был хорош. Сухая, ровная, кое-где поросшая сосняком, приняла их долина. Но потом она стала влажнеть, стало позачивать под копытами лошадей, появилась мошка, и все же путь еще не внушал опасений. Нет-нет да кое-где и суглинок появлялся. Но от километра и километру все больше становилось воды. Пошел кочкарник. Тут бы остановиться, подумать, но, как нарочно, словно заманивая, подвораживалась твердь, и Парахин вел отряд дальше. Так было в первый день на болоте. К вечеру они разбили лагерь среди торчащих в разные стороны сухостойных лиственниц, развели костер и, полные надежд на то, что и завтра все будет хорошо, легли спать.

Если бы болото началось сразу после перевала, если бы своевременно определить, что оно непроходимо, то можно было бы и вернуться, поискать другой путь, но какое-то звериное коварство было заложено в нем. Когда люди уже всерьез начинали тревожиться, то снова болото как бы отступало, исчезала траясина, и все веселели, веря, что топь кончается и скоро начнется сушь.

На второй день болотной жизни погибли лошади. Они проваливались по брюхо, с ходу рвали из траясины, жалобно ржали. Их развучивали, подсовывали веревки, таскали, уходя сами по пояс в траясину. Вытаскивали. А через несколько шагов лошади снова проваливались, и снова над болотом разносился жутко-тоскливый крик.

Было, когда Парахин решил вернуться и пошел уже, повел керван обратно. Но тут-то и началось непонятное: не прошли и десятка метров, как две лошади сразу ушли с головой в зыбун, ушли вместе с вьюками. И стало ясно, что возвращаться не менее опасно, чем двигаться вперед.

На третий день отряд прошел от силы

Сергей ВОРОНИН

НА УНГЕ

Рассказ

километр. Пробрались кто как хотел. Прыгали с кошки на кочку, брели по колону в ржавой жиже, иногда пробрались ползком. Техник Березкин отошел в сторону. Он почему-то решил, что там лучше, отошел метров на триста от людей... никогда уже больше не вернется. И никто не узнает, как он погиб. Болото словно проглотило его, он даже не успел крикнуть. После этого Парахин запретил уходить от него и приказал связаться веревкой друг с другом.

И четвертый день мало чем порадовал. Всю ночь они провели без костра, мокрые, сидя на кочках, уткнув лица в колону.

И вот уже пятый день на болоте. А леса еще не видно. Над головой неотвязное облако разной дрени: тут и «мокрое» — еле различимая глазом мошка, и какие-то желтые комары, и мошкара. И все они лезут в глаза, накомарники не спасают — мокрые равные тряпки. Но люди уже настолько привыкли к этому, что вроде и не замечают. Впереди идет Парахин, прыгает с кошки на кочку, срывается, падает руками в воду, тяжело подымается и упорно бредет дальше. Но еще тяжелее тем, у кого слабая воля. Неожиданно заплакал завхоз. Плач у него начался с хриплого воя. Он стоял по пояс в воде и закрывал лицо руками.

— Ну как вам не стыдно, — сказала Нина. — Надо мужаться.

И, может, потому, что сказала она, единственная в их экспедиции женщина, завхоз перестал выть. Может, стыдно ему стало.

— Простите, — сказал он. И снова пошли дальше. Это был единственный случай проявления слабости в отряде. Зная мужества и упорства незримо реяло над ними, и, пожалуй,

больше всех это зная чувствовал Парахин. Может, даже он его придумал. «Если только дойдем, а дойти мы обязаны, — мечтал он, — то наш подвиг должны оценить в штабе экспедиции. Какие замечательные люди! Какие сильные! Я никогда не думал, что они способны так стойко переносить лишения, и все безропотно, все во имя единственной цели — выполнить задание. Как мы еще мало знаем людей! Но неужели, для того чтобы узнать, нужны такие тяжкие испытания? Как мы еще мало ценим людей! Памятники надо ставить таким людям! Песни слагать!» Он был человек романтического склада, к тому же не лишенный sentimentalности.

Идущий вслед за ним инженер-гидрометрист Завьялов думал совсем иначе. Прежде всего он целиком винил во всей их беде Парахина. «Легкомысленный человек, — думал он, — завел черт знает куда, и это называется руководителем. Смешать будут над нами в штабе экспедиции. Это же позор для изыскателя — застрять в болоте, перетопить все снаряжение, потерять человека. Что толку, что он способный инженер, он никудашный организатор. И кто это придумал, что если человек разбирается в своем деле, то ему следует доверять общее руководство?» Завьялов, конечно, был человек совершенно иного склада, нежели Парахин. Романтиком он не был и всякие слезливые сантименты не терпел. К делу относился серьезно, без всяких там улыбочек и острот.

За ним шел буровой мастер, грузный человек, как и его фамилия — Чугунов. Он весил сто пять килограммов, а размер обуви, как нарочно для этого болота, тридцать девятый, поэтому он не вылезал из воды: уцепится за кочку, подтащит се-

БЕСЕДУЕТ ПОЭТ СВЕТЛОВ

В краткой автобиографической справке, вечаая на вопрос: «Ваша общественная деятельность?» — Светлов писал: «Работа по специальности».

Этой работе Михаил Арзавьевич отдавал себя самоотверженно, с необычайным увлечением даже тогда, когда уже было тяжело работать. Яркое свидетельство тому — его блестящая творческая встреча со студентами Литературного института имени М. Горького 26 мая 1964 года.

Многолюдная аудитория сердечно приветствовала любимого поэта. Два часа он беседовал с питомцами института, съезжавшись сюда на очередную зачетно-ознакомительную сессию со всех концов Советского Союза.

В его беседе привлекала, как всегда, световорное сватовская иронически-шутливая, раздумчивая интонация. В ней не было ничего от менторского, назидательного тона мэтра, искушенного в «поэзиях непролазных». Светлов разговаривал со слушателями как равный с равными, ценил стихи молодых с понооряющей искренностью и прямой, с огромным тактом советчика-друга.

Его беседа навсегда останется в памяти всех, кто имел счастье слушать в тот вечер Светлова — человека большой души, распахнутой настежь для любящих поэзию Революции.

Вот стенографическая запись этой беседы-импровизации.

У БЕИ меня бог, если я знаю, о чем мы будем беседовать... Но у трудящихся всегда найдется общий язык, и, я думаю, мы побеседуем так, что то пойдет на пользу и вам, и мне.

Вас интересует многое, но на общие темы я не могу говорить, потому что и само дело в них разбираюсь. Например, я до сих пор не установил: зачем нужна поэзия? Знаю только, что она нужна, и в первую очередь мне, так как у меня нет никакой другой квалификации. А тут, как мне кажется, я приношу пользу.

уместе с ней обходиться. Я утверждаю, что рифма — первый помощник поэта. Сейчас попытаюсь на каком-нибудь примере это доказать.

Мне очень помогает рифма. Рифма помогает мне, как человек. Что же она делает? Она создает ассоциацию, на первый взгляд, нелепые — рифмуешь одно с совершенно противоположным и потому не сразу находишь соответствие. Мне вспоминается смешной случай с рифмами. У меня была записана рифма и лежала, забывшая в столе: падишах и падежах. Какая здесь ассоциация? Падежах — это что-то из грамматики, а падишах — из Турции. Но уже в самой этой рифме заключаются юмор, и я написал стихотворение — объяснение в любви к девушке, где есть такие строчки (мне думается, они убедят вас в естественности соединения таких чуждых по значению слов, как падишах и падежах):

Будь я не еврей, а падишах,
Мне б, наверно, делать было нечего,
Я бы упрямился в падежах
Целый день —
С утра до вечера...

и т. д.

Это стихотворение малоизвестно, но, я надеюсь, вы прочтаете его и поймете, что, если бы не было рифмы «падежах — падишах», не было бы и этого стихотворения.

Приведу еще рифму: излучина — наузна. И вот строки из стихотворения «Итальянец»:

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?

Есть натяжка? Нет натяжки. Рифма создает ассоциацию.

Белым стихом я не пишу. Переводить белым стихом обожаю. Собираться переводить Расаула Гамзатова — он пишет белым стихом. Жуковский перевел «Ундину» белым стихом, но это не нарушает

целостности поэмы... Гамзатов в переводе тоже не потерял, потому что его переводят хорошие поэты, и вообще искусство перевода у нас на большой высоте. Кстати сказать, на мой взгляд, не обязательно белый стих переводить белым.

Так что, когда вы говорите: мне трудно с рифмой, — это из тех трудностей, которые нужны больше, чем легкость.

Рифма, повторю, — первая помощница ваша, не потому, что вы соединяете несоединяемое, а потому, что без нее нельзя выразить то, что хочется сказать в стихотворении. А без мысли о том, что ты хочешь написать, не может быть стихотворения.

Многие из молодых пишут сейчас так заковыристо, что не сразу разберешь, что к чему. В погоне за оригинальностью, в стремлении избежать банальностей они удивительно банальны. Им сейчас труднее написать «Дети, в школу собирайтесь», чем стихи воыным размером с необычными образами.

Главное, чтобы было что-то за душой. Вот Пикассо, например, — в лучшие свои полотна он вкладывает то, что у него лежит на душе. А когда у тебя за душой ничего нет и ты начинаешь выдрочиваться, чтобы показать какую-то оригинальность, — вот этого я не понимаю. И становлюсь похожим на петуха крыловского, который в куче навоза ищет жемчужное зерно. Но разница между мной и крыловским петухом такая: мне ясно, что навозом от кобылы можно удобрять поля, а навозом от искусственной кобылы поля удобрять нельзя. (Смех.)

Я говорю с вами импрессионистски, считая, что это лучше доказала или чтения воспоминаний. Чем хороша импрессионистская форма беседы? Когда резко встретившись, всплывают разные вопросы, и на них надо дать ответы не исчерпывающие — вы сами их «доразрешаете»... Может быть, мы возьмем у кого-нибудь из присутствующих здесь стихотворение и

будем следить за его строками с точки зрения повсеира, не только того, который снабжает браслетами буржуазию, но и того, кто делает кольца для обручения престарелых?

И ТАК, у кого-нибудь из вас, может быть, есть стихотворение, и мы, отталкиваясь от него, затронем различные темы. Это лучше всего. Сядем на определенном вокзале, еще не зная, куда поедем. Но предупреждаю: в оценке я буду, как папац на пенсия.

Ну вот, ко мне поступило стихотворение «Торгаш». На первый взгляд, неплохое. Разобрать его буду не с точки зрения арифметики, а с точки зрения высшей математики. Среднее образование и даже профессорское знание, как вы знаете, не отгачивает человека, отгачивает его только то, что он внес в науку. Одно дело — никому, кроме студентов, ведомый профессор, другое — профессор Эйштейн... Ну, давайте разбирать.

...И борода тую лхматая,
Как пес, свернется на мешке...

При чем тут мешок? Если бы не было мешка, пес мог бы свернуться еще на чем-то... Мешок — это не признак торговца. В мешке можно носить что угодно. Бедные люди таскают в мешке все, если у них нет денег на авоську.

Автор находился в плену рифмы «Ташкент — мешке», и в результате не он повел стихотворение, а стихотворение повело его. (Голос с места: «А может быть, наоборот — он дорожил образом».)

В молодости мне безумно нравились такие мои строчки... Сейчас вы будете хотять:

Отягченная горем земля
Ударяет вздохами по небу.
Сегодня, 22 февраля,
Я хочу написать что-нибудь.

Рифма «по небу — что-нибудь» мне очень нравилась, я дорожил ею. А дело